

БЕРЕТ ВЕЧНОСТИ

Егор ИСАЕВ

ПОМНЮ свою первую встречу с морем. Огромное, оно было одновременно у ног моих и где-то там, выше моих глаз, у едва-едва различимой в общей синеве черты горизонта. Далеко было, рядом с небом. Помню какое-то особое, неизъяснимое чувство в себе — не то безотчетного восторга, не то абсолютной потери перед непомерно великим, вечным.

Я долго потом не находил подходящего имени этому чувству. А когда нашел — понял: будучи в первый раз у моря, я помимо воли своей мерил это море не столько чувством самого моря, сколько привычным мне с детства чувством реки — чувством доступного глазу второго берега. И не только глазу. До него, до того второго берега, — будь он даже берегом очень широкой реки, — долплыть трудно, но все-таки можно. Долплыть, передохнуть на твердом и — обратно. Что ни говори — река все же.

А тут — море! И горизонт — не берег. Но вот парадокс: сердце хотело и знает об этом, а все равно верит — есть берег, и его, конечно же, можно достичь, почувствовать, доосознать.

Нечто подобное я испытываю и тогда, когда, например, стою у великих полотен в Третьяковке, великих силой великих дарований, воздухом схваченных кистью мгновений и веков, когда слушаю нашу и зарубежную классику в консерватории, когда мысленным взором окидываю все книжные богатства нашей «Ленинки»...

Великое искусство. Великая музыка. Великая литература...

Я всегда теряюсь перед их доступным и вместе с тем до конца непостижимым величием. Сколько бы я ни вглядывался, ни вслушивался, ни вчитывался в это великое — чувство второго берега, чувство вечности всегда оставалось и остается для меня недоутвержденным до конца. Таково, видимо, свойство великого вообще: чем больше чувствуешь его, чем глубже проникаешься его мыслью, тем оно неисчерпаемей и желанней для познания.

Совсем недавно я с великим удовольствием, как в первый раз, перечитал Некрасова. Перечитал, и хоть тут же перечитывай снова: такая мощь, такая глубина, такая даль в его нестарющем слове. И перечитал, поверьте, вовсе не для того, чтобы написать только то, что я сейчас пишу, хотя и это, думаю, для меня не в укор: написать о любимом поэте — это мечта и долг каждого. И все-таки даже в этом случае я перечитал Некрасова больше по влечению души, нежели «по делу». Перечитал просто так, не для чего как бы. И, по моему, классику только так и надо перечитывать.

Из начал с «Кому на Руси жить хорошо», прелесть — сколько же в ней, в этой поэме, народа русского. Целый век, кто и более того. И в основном — о единстве, о крепостном и крепостном, о многогрядности его беспредела, а вместе с тем о духовном богатстве его, доброты, щедрости и красоте. В первых признаках бури, зреющей в драх его сознания и души. И первоисточник всего этого — чувство неистово-близкой справедливости, вера в добро.

Вслед за пушкинским «Евгением Онегиным» некрасовское «Кому на Руси жить хорошо», пожалуй, самое, на мой взгляд, энциклопедическое явление в русской эпической поэзии нашего давнего и недавнего прошлого. Вижу только одну разницу между ними — это хотя и параллельно близкие, но далеко не однородные, даже, скорее, встречные потоки художественного познания действительности: пушкинский поток — от вершины к основанию, некрасовский — от основания к вершине. Причем это не только не раздвигает их, даже, напротив, единит. Народ — один в конце концов. И язык — тоже один. Великий русский язык, первохудожник наш, язык — кеан. И наше счастье, что у него, у такого великого, по воле самой истории и характера народа нашлись тоже по-своему немалые величины — Боян, Пушкин, Лермонтов, Некрасов... Это только из ряда поэзии.

О творчестве Некрасова, и в частности о его «Кому на Руси жить хорошо», в нашем отечественном литературоведении написано по объему уже столько, что во много раз превышает объем всего того, что написано самим Некрасовым. Многие доктора и кандидаты филологических наук объясняли и объясняют нам Некрасова — его слог, стиль, язык, его систему образов, проблематику и так далее. Объясняли и объясняют изустно, письменно, печатно — просто статьями, книгами, даже серьезными книгами, посвященными Некрасову, — и все равно он всегда будет необъясним до конца. Великий реалист, он всегда в какой-то мере будет пребывать в степени загадки, тайны, если хотите, той самой тайны, которая лежит в самой природе таланта, в живой стихии языка, в неосознаваемой дали памяти и мечты народной и, уж конечно, в том самом речном чувстве океана, которое, как я уже говорил выше, подсудно живет в кандалах из нас как чувство второго берега, как чувство горизонта.

Много написано и сказано о Некрасове — это факт. Но это не значит, что все уже открыто и нет больше никаких белых пятен. Уверяю вас, есть. Например, недостаточно точно, на мой взгляд, определен главный герой поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Все, в общем-то, сходились и сходятся на том, что главный герой — это народ. Согласен. В общих чертах, в общей формуле это действительно так. А если, допустим, не в общих, а в более, так сказать, собирательных, зримых чертах — кто герой? Крестьянство? Согласусь, но опять же не совсем. Вот если бы еще чуть пособранней, понаглядней чуть. Скажу свой вариант: крестьянский сход — вот кто главный герой! Причем не тот, что обычно собирался на деревенской площади раз-два в году... Собирался, шумел и расходился. Нет. Сход у Некрасова принципиально иной. Сход обстоятельный, постоянный и не на деревенской площади только, а на всей территории сельской России. Сход подвижный, как сама дорога, как сам вопрос, вызванный социальным любопытством крестьян, их серьезной философской озабоченностью: а действительно, кому все-таки на Руси жить хорошо? Это депутаты от народа. Это те самые ходоки, которые затем и к Ленину придут... Вот кто герой. Герой — мыслящая, рассуждающая мужицкая артель, община. Причем, заметь-

те, по достатку она вся ровная. И что еще меня особенно поражает в «Кому на Руси жить хорошо» — это исторически врожденное благородство крестьян, их способность сострадать, сочувствовать, искать знак справедливости. У Некрасова это не только подчеркнуто, но и основательно доказано в поэме. То, что он, мужик, «до смерти работает, до полусмерти пьет!» и то, что социально он стоит на самой низшей ступени иерархической пирамиды общества, по Некрасову вовсе не означает того, что и в нравственно-моральном плане он не поднимается выше этого.

Наоборот. По Некрасову, исторически врожденное благородство крестьян, их склонность к простодушию, к добру куда как выше благородства титулованного, дворянского. Вспомним хотя бы главу «Последыш». Свободные крестьяне из деревни Вахлаки разыгрывают из себя крепостных не потому только, что им пообещали за это поемные луга, но и просто из чувства элементарного человеческого сострадания к спятившему с ума князю Утятину, бывшему их мучителю-крепостнику. И ведь как их потом нагло обманывают сыновья князя — молодые наследники огромного имущества, земли и лесов: им, оказывается, ничего не стоит отказаться от прежнего своего клятвенного обещания оставить за крестьянами поемные луга. Показательно-то как: их высокоблагородия, а ведут себя по отношению к крестьянам ниже всякой низости. От этого, по правилам чести, близко если не к пистолету, то уж к топору — это точно. Вот он — классовый урок.

Иллюстрация художника Н. Воробьева к поэме Н. А. НЕКРАСОВА «Кому на Руси жить хорошо». Издательство «Художественная литература», М.

Кстати, если взять вопрос пошире, эта глава, помимо всего прочего, бросает несколько иной свет и на всем известный философский постулат Толстого — непротивление злу насилием. Определенно. И еще одна частная деталь. Помните, в «Коробейниках» — «Распрямись ты, рожа высокая, тайну свято сохрани!». Это ведь тоже из того же ряда неизживших себя принципов. Народная мораль, народная нравственность — это начало всех начал, это та культура, что во многом дальше культуры письменной, печатной. Это прежде всего культура быта, труда, песни, сказки, культура всего живого языка — пословицы его и поговорки. Вот откуда-то, на мой взгляд, и происходит чувство таланта как особое чувство языка.

Оттуда — и Боян, и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов... Будучи великими работниками языка, они в то же время были как бы сами пророчески предсказаны и затем явлены им. Вот почему их вещей дар так и не постижим до конца. Он рассчитан природой не на одно-два поколения, а на всю жизнь народа, на всю жизнь языка. В этом — вторая жизнь гения. Его бессмертия — в его произведениях. Они живут — значит, жив и их создатель. Неопровержимый пример тому — Некрасов.

«Железная дорога» Некрасова — она не просто прошла по шпалам, по страницам

самых новых и новых изданий поэта, она прошла и проходит до сих пор непосредственно по сердцу читателя, напоминая ему, в который уж раз, о том, что железная колея имеет не только визуальную протяженность, но и историческую глубину. Железная дорога, она идет поверх дороги страданий, поверх дороги памяти.

А «Размышления у парадного подъезда»?

А поэмы и стихи о русских женщинах — женщинах-крестьянках и декабристках?

А это:
Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.

Все это и подобное этому — у нас на памяти сызмала, не только в хрестоматии. И все это очень любимое нами, но никогда не будет излюблено нами до конца. Оно будет живо в нас всегда, как сама жизнь. И так это порой близко все нашему времени, что даже озноб по коже:

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! Утешится жена,
И друга лучший друг забудет!
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Как бы я прокомментировал это пронзительное до глубины души некрасовское стихотворение? А прокомментировал я бы его так: жаль, конечно, и друга, и жены, и самого героя, конечно, жаль, но более всего все-таки жаль матери — и той, которую в едино-разъединственном образе все мы носим в душе, в образе матери родимой, и одновременно матери-природы в ее всеобъемлющем географическом и

философском смысле. Первая сердцем тревожится за одного только сына-человека, вторая — за все человечество. И обе они — в одном образе любви и гнева, в образе живого протеста против ужасов войны, против чудовищно продуманного безумия.

Так я понимаю это пророческое стихотворение Некрасова. Оно больно кричит из того века — в наш век. И такое оно по сути своей всеопережающее и животрепещущее, что его хоть сейчас на стол пентагоновским стратегам новой ядерной войны.

И в заключение несколько соображений о последователях Некрасова.

У него их много — не ветвь, не разветвленная отрасль даже, а целая высокоствольная, могучая дубрава, произрастающая не от корня просто, а от всего, можно сказать, некрасовского корневища.

И, конечно же, первый из них — Маяковский. Будучи сам великим, он вместе с тем не чурался и традиций своего великого предшественника. И это отнюдь не моя выдумка. Этот факт подтверждается не только разговорной манерой поэтического письма Маяковского, но и его прямыми высказываниями по этому поводу.

Блоку, как известно, тоже не был чужд Некрасов. По мере приближения к Некрасову поэт-символист приближался к жгучей реальности жизни, а это значит — к народу, а по мере приближения к народу он приближался, естественно, к революции, а приближаясь к революции, он не мог не приближаться к себе как истинно великому.

О своих давних привязанностях к творчеству Некрасова не раз говорила и Марина Цветаева.

В какой-то мере шел от него и приближался к нему в смысле собственной оригинальной величины и Сергей Есенин.

Твардовский и Исаковский — те вообще были прямыми наследниками всех университетов Некрасова. Наследниками и продолжателями одновременно. И я уверен, что наследование это будет продолжаться и в будущем.

Вечный берег поэзии Некрасова, он постоянно будет звать к себе.